



УДК 81'373'371

МНОГОЗНАЧНОСТЬ VS ОМОНИМИЯ: СТРОЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ И СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ

О. В. Кожара

Кожара Олеся Владимировна, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, okozhara@mail.ru

Статья посвящена проблеме разграничения омонимии и полисемии с точки зрения системного (лексикографического) и психолингвистического подходов к значению. Обсуждаются некоторые методы интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента в свете разных гипотез об устройстве многозначности в ментальном лексиконе. Автором предлагается методика анализа ассоциативного поля, направленная на выявление семантической структуры многозначного слова-стимула в языковом сознании.

Ключевые слова: многозначность, омонимия, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, семантическая структура слова.

Polysemy vs. Homonymy: Associative Field Structure and Polysemy Structure

O. V. Kozhara

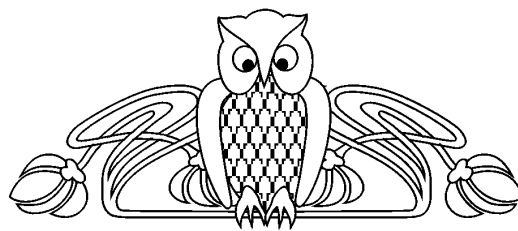
Olesya V. Kozhara, <https://orcid.org/0000-0002-5469-7486>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, okozhara@mail.ru

The article deals with the problem of distinguishing between polysemy and homonymy from the point of view of systemic (lexicographical) and psycholinguistic approaches to meaning. The existing methods of interpretation of verbal associations are revised in the light of different views on the representation of polysemy in the mental lexicon. The author proposes the associative fields analysis method which aims to reveal the semantic structure of a polysemous word in language consciousness.

Key words: polysemy, homonymy, free associations, associative field, word semantic structure.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-414-419>

Лексическая многозначность относится к тем труднообъяснимым фактам языка, чей механизм скрыт от индивида, пользующегося одним и тем же словом в разных ситуациях так, что в нормальных условиях коммуникации другие значения слова редко попадают в поле его внимания. Из этих соображений можно подвергать сомнению объективное существование многозначности в сознании носителя языка, признавая ее результатом деятельности лексикографа, как считал Л. В. Щерба, утверждая, что «мы имеем всегда столько слов, сколько фонетическое слово имеет значений»¹. Действительно, словари предлагают неодинаковые решения относительно того, что считать многозначностью,



по-разному разграничивая омонимы и значения одного и того же слова. В разное время в качестве критерия омонимии предлагалось различие предметов, понятий или явлений, обозначаемых данным звуковым комплексом (пример такого подхода можно видеть в словаре С. И. Ожегова), наряду с этим составители словарей традиционно опираются на исторический принцип, относя к омонимам слова с разной этимологией или слова, имеющие общую мотивирующую основу, но со временем утратившие семантическую связь. Вместе с тем В. В. Виноградов отмечал необходимость более глубокого изучения «законов и правил объединения и сцепления значений в смысловой структуре слов разных типов» в системе конкретного языка².

Если в лексикографической практике актуален поиск оснований для сохранения смыслового тождества слова путем выявления производности, связи и совместимости отдельных значений, то исследование функционирования многозначности (в ситуации спонтанного речевого восприятия) психолингвистическими методами зачастую ведет к отождествлению полисемии и омонимии. Результаты свободного ассоциативного эксперимента указывают на то, что в каждый момент определенной ситуации коммуникации для говорящего/слушающего существует только одно значение формы, поскольку предъявляемое испытуемым многозначное слово в отсутствии контекста идентифицируется по конкретному семантическому признаку, который может быть соотнесен с определенным значением слова.

Другие исследования психолингвистической школы также рассматривают многозначность с точки зрения дифференциации значений. Например, Т. М. Рогожникова, изучая процессы идентификации многозначного слова в ассоциативном эксперименте с детьми разного возраста, находит подтверждение того, что с возрастом происходит дифференциация значений полисемантического слова, становление набора отдельных лексико-семантических вариантов³. Данные ЛСВ отличаются разной степенью актуальности в сознании носителей языка разных возрастов, в ходе становления языковой компетенции человека они многократно поддаются перегруппировке.

Сходным образом ассоциаты многозначного слова-стимула интерпретируются как семантические признаки, выделяемые у слова в определенном значении, в работах воронежской школы (например, в работах И. А. Стернина⁴, О. Е. Виноградовой⁵). Полученные в результате «семной интерпретации» ассоциаты-семмы объединяются в «семемы», опреде-



ляемые различным «индексом яркости» (частотным показателем актуальности значения для языкового сознания). В соответствии с индексом яркости семемы наделяются разным статусом в «психолингвистическом значении» слова – так, выделяются «ядерные» и «периферийные» значения. При этом «периферия» может включать в себя как значения, выделяемые у слова только в определенных контекстах, так и значения отдельного слова, – таким образом утверждается, что редко употребляемое в речи слово-омоним по своему статусу для обыденного языкового сознания ничем не отличается от неактуальных значений многозначного слова. В этом отношении «психолингвистическое значение» по своей структуре противопоставляется принятому членению и иерархии значений в толковых словарях.

Между тем актуальность некоторого значения, определяемая на основе частотностей вербальных реакций, может лишь с определенной оговоркой рассматриваться как объективный показатель статуса того или иного значения в семантической структуре многозначного слова. Результаты ассоциативного эксперимента Е. В. Ерофеевой с многозначными стимулами, в котором принимали участие представители нескольких социальных групп (люди разных профессий и возрастов), показали, что частотность того или иного значения слова в реакциях испытуемых будет во многом зависеть от характеристик социальной группы, соответственно, при сопоставлении ответов разных групп респондентов будут выявлены различные иерархии значений. Выявление таких различий должно указывать на то, что «хранение значения в ментальном лексиконе» имеет «принципиально множественный характер»⁶, а семантическая структура многозначности в языковом сознании зависит от вневингвистических факторов.

Опираясь на данные психолингвистического эксперимента, можно судить о представленности тех или иных значений слова в языковом сознании, а также о факторах, определяющих их различную актуальность для носителей языка. Применяемая методика интерпретации вербальных реакций, их группировки по отдельным семемам и итогового представления в виде ранжированного списка значений действительно позволяет получить описание, во многом дополняющее словарную статью многозначного слова в толковом словаре. В то же время нет достаточных оснований для того, чтобы такой конструкт, как «психолингвистическое значение», проецировать на устройство многозначности в ментальном лексиконе. В условиях свободного ассоциативного эксперимента, когда слово-стимул, предъявляемое вне контекста, вызывает единичную реакцию, можно проследить идентификацию многозначного слова в одном определенном значении, исходя из вероятностных связей в данном конкретном языковом сознании; в этом смысле стратегии ассоциативного многозначного слова и слова-омонима являются идентичными. Однако есть основания полагать, что в действительности устройство зна-

чений в ментальном лексиконе намного сложнее и что «процессы поиска значений многозначных и омонимичных слов могут быть одинаковыми, но запись и хранение – различными»⁷. Если значения слов-омонимов могут представлять отдельные единицы лексикона, то значения многозначного слова, в силу своей связанности, будут, скорее всего, тяготеть к определенной структуре.

В этой связи полезно обратить внимание на результаты экспериментальных исследований прайминг-эффекта при лексической обработке многозначных и омонимичных слов⁸, подтверждающие, что слова-омонимы и значения многозначного слова все же обладают разным статусом в ментальном лексиконе. Если слово-омоним («bank»), предъявляемое в качестве прайма в парах вроде «bank – river» и «bank – money», позволяет быстрее идентифицировать слово в той паре, где актуализируется более частотное значение омонима («bank – money»), то многозначное слово-прайм одинаково способствует более быстрому узнаванию слов в парах с основным и в парах со вторичным значением («rabbit – animal» и «rabbit – meat»). Данный результат рассматривается как подтверждение гипотезы о раздельном хранении слов-омонимов в лексиконе и о семантической репрезентации многозначного слова «ядерным значением» («core meaning»), которое дает преимущество многозначному слову перед омонимами в скорости обработки в ситуации лексического выбора («lexical decision task»).

В свободном ассоциативном эксперименте сложно проследить различие в ассоциировании омонима и многозначного слова. Однако возможность наблюдать ассоциирование многозначного слова-стимула на большой группе респондентов, когда сводятся воедино данные большого количества анкет и на их основе выстраиваются ассоциативные поля стимулов с выделением в них фреймов, позволяет делать предположения относительно специфической организации значений многозначного слова во внутреннем лексиконе. В частности, представляют интерес связи разных значений, благодаря которым можно говорить о многозначном слове как о комплексе значений в сознании носителя языка, противопоставленном изолированным единицам – словам-омонимам. Более того, в данной статье мы предлагаем сравнение ассоциативных полей слов, представляющих разные типы многозначности. В этом смысле может оказаться полезным выявление не только особенностей устройства ассоциативных полей у слов с разной структурой многозначности, но и того общего, что характерно для ассоциирования многозначных (в противопоставление омонимам) слов в целом.

В отборе стимулов для ассоциативного эксперимента и формировании групп многозначных слов и слов-омонимов мы руководствовались решениями, предлагаемыми в авторитетных лексикографических источниках (Малый академический словарь, Большой толковый словарь русского



языка под редакцией С. А. Кузнецова и Большой универсальный словарь русского языка под редакцией В. В. Морковкина). При отборе стимулов мы также опирались на Семантический словарь русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой, поскольку в нем показаны различные сферы или семантические классы, в которые способно входить многозначное слово. Отобранные слова-стимулы можно объединить в группы в соответствии с типами многозначности:

1) многозначность, основанная на метафорическом переносе: *тень, атмосфера*;

2) многозначность, основанная на расширении значения: *сеть, точка, зона*;

3) многозначность, основанная на сужении значения: *средство, форма, модель*;

4) многозначность, основанная на коннотативном компоненте значения слова: *поступок, зависимость, случай*.

Деление на группы не является абсолютным, так как некоторые из слов способны представлять многозначность двух типов, например, у слова *зона* вместе с расширением значения при переносе (*зона комфорта*) одновременно прослеживается и его сужение (*зона* – «место лишения свободы»). Кроме того, в набор стимулов были включены слова, традиционно определяемые словарями как омонимы, – *вид, ссылка, мотив*. Выделение групп многозначных слов-стимулов необходимо для того, чтобы в ходе нашего исследования ответить на вопрос о том, возможно ли на ассоциативном материале проследить те процессы многозначности, результаты которых зафиксированы в современных словарях.

Ассоциативный эксперимент с указанными стимулами проводился в письменно-письменной форме; в анкетировании приняли участие 200 респондентов – студенты разных факультетов Саратовского государственного университета в возрасте от 18 до 24 лет, при этом количество информантов разного пола было приблизительно равно.

Реакции на многозначный стимул группировались в ассоциативном поле (АП) следующим образом: сначала отбирались самые частотные реакции, которые, как правило, интерпретируются однозначно, как актуализация определенного значения слова (*сеть* → *интернет*). Ввиду большого числа разнообразных единичных реакций на стимулы мы определяем реакцию как частотную, если ее доля составляет не менее 5% от общего количества. На основе частотных реакций выделяется «ядро», т. е. актуальный и устойчивый набор «значений» слова. Данный набор далее получает расширенное описание при обращении к реакциям «ближней периферии» (к ним относятся все остальные неединичные реакции, доля которых составляет не менее 1% от общего количества реакций в АП данного слова-стимула). Реакции «ближней периферии», как правило, интерпретируются с помощью набора «значений» в «ядре» АП, при этом они не всегда однозначно соотносятся с определенной группой

реакций, допускается их двойное толкование в рамках нескольких групп.

Мы предполагаем, что такие пересекающиеся группы реакций в большей степени характеризуют ассоциативное поле многозначного слова, чем АП слов-омонимов.

Указанное отличие особенно ярко проявляется в ассоциативном поле стимула «ссылка» (табл. 1 (здесь и в других таблицах реакции приводятся с указанием их абсолютных частот)).

Таблица 1

Ядро и ближняя периферия ассоциативного поля стимула «ссылка»

Значения		
I	II	III
Ядро		
интернет 19 на сайт 15 сайт 15	источник/ на источник/ источники 14	в Сибирь 12
Ближняя периферия		
источник 9 на страницу 8 в описании 3 в Интернете 5 на источник 4 адрес 6 страница 3 гипер 2 переход 2 вконтакте 2 ссылка на сайт 2 видео 2 гиперссылка 2 браузер 2	источник 9 на источник 4 страница 3 текст 2 заключение 2	Сибирь 9 Сталин 3 каторга 5 Пушкин 2 тюрьма 2 заключение 2

Стимул «ссылка» вызвал реакции трех типов, которые могут быть соотнесены со следующими значениями: I – гиперссылка, подчеркнутая строка на вебстранице, по которой пользователь Интернета может переходить к другим объектам; II – указание на источник информации в текстовом документе, предполагает библиографическое описание источника; III – вид наказания за преступление. Если реакции группы II практически полностью входят в группу I, в связи с чем сложно провести границу между двумя значениями, то группа III не имеет никаких точек для пересечения с другими группами, кроме реакции *заклучение*, которая, в свою очередь, представляет собой омоним. По всей видимости, в данном случае можно говорить об омонимии в ассоциативном поле, а стимул «ссылка» рассматривать как два разных слова, как это делают толковые словари, – *ссылка 1* («наказание посредством насильственного переселения в отдаленный регион») и *ссылка 2* («указание на какой-либо источник информации»).

Другой случай представляет омонимия в ассоциативном поле стимула *вид* (табл. 2).

Толковые словари (Малый академический словарь, словарь под редакцией С. А. Кузнецова) одина-



ково проводят границу между группами значений I и III, II и IV, которые подаются как слова-омонимы: *вид 1* – «внешний облик кого-либо», «очертания местности» и *вид 2* – «единица классификации». В группировках ассоциаций можно видеть основания для сближения значений I и III, где реакции *красивый, красота* могут косвенно указывать на общий признак зрительного восприятия. Тем не менее, связь между этими значениями не столь сильна, как

между группами II и IV, что, в принципе, соответствует решению некоторых словарей не выносить *вид* как «классификационное понятие в биологии» в отдельное значение в словарной статье. Между тем наличие в АП стимула *вид* реакций конкретными существительными – *человек, животного, животное* – свидетельствует о том, что биологическое понятие *вида* является значимым фрагментом знания о мире в языковом сознании.

Таблица 2

Ядро и ближняя периферия ассоциативного поля стимула «вид»

Значения					
I	II	III	IV	V	VI
Ядро					
внешность 10	деятельности 10	окно/ из окна/ за окном 18	животных/ животные/ животного/ животное 11	–	–
Ближняя периферия					
человек 4 красота 3 красивый 6 внешний 3 образ 3 опрятный 2 человеческий 2 сзади 2	род 6 подвид 4 искусства 2 тип 2 класс 2 работы 2 спорта 2 отличие 2 критерий 2	пейзаж 9 окно 8 из окна 8 красивый 6 на море 4 красота 3 сверху 2 за окном 2 сзади 2 природа 2 дома 2	род 6 животного 5 человек 4 подвид 4 животное 4 биология 2 класс 2 тип 2 человеческий 2 отличие 2 разнообразии 2 критерий 2	на жительство 7	совершенный 4

Наличие одних и тех же реакций в группах I и IV (*человек, человеческий*), на первый взгляд, противоречит лексикографическим данным об омонимичных лексемах *вид 1* («внешний облик чего-либо») и *вид 2* («единица в систематике»). В то же время реакции типа *человек (человека, человеческий)* могут расцениваться как тривиальные элементы ассоциативного поля на основании их частой встречаемости в ассоциативных полях разных стимулов (по данным Русского ассоциативного словаря, реакцию *человек* вызывали 1345 разных стимулов). Данных реакций явно недостаточно, чтобы установить семантическую связь между значениями I (внешний облик) и IV (понятие в биологии). Можно лишь предположить, что оба значения способны соотноситься друг с другом через общий смысловой компонент «совокупность внешних признаков» (которые определяют облик человека в глазах других или присущи человеку как биологическому виду в целом). Но тогда следует признать, что значения I и IV являются связанными, так же как и II и IV, в то время как между I и II по-прежнему не обнаруживается никакой связи. То есть значение II «единица систематики», будучи, несомненно, первичным по отношению к IV, в АП все же получит более низкий ранг. Таким образом, в ассоциациях не прослеживается последовательность связи значений, которая вытекает из иерархии значений, принятой

в большинстве толковых словарей, разделяющих слова-омонимы *вид 1* и *вид 2*.

Очевидно, стоит согласиться с традиционной трактовкой слов-стимулов типа «вид» как омонимов; в ассоциативном поле пока что удастся выделить только группы реакций («значения») и найти зоны перехода между ними, но не выстроить линию развития значений, которая позволила бы говорить о едином комплексе значений, т. е. о многозначности стимула.

Далее мы будем рассматривать ассоциативные поля слов, которые, с точки зрения лексикографов, являются несомненно многозначными. К таким словам, в первую очередь, относятся те, многозначность которых обусловлена метафорическим и метонимическим переносом, а семантическая структура представляет множество близко связанных значений.

В ядре ассоциативного поля стимула «тень» (табл. 3) были выделены два условных «значения»: I – «тень как явление природы», в данном значении обобщаются энциклопедические знания о природе такого явления, как тень, об условиях его наблюдения, способах проявления и т. п.; II – «тень как пятно на земле, повторяющее очертание освещенного объекта», т. е. значение, имеющее более выраженный денотативный компонент. Значения I и II тесно связаны между собой и не разграни-



чиваются большинством словарей. Значение III в ближней периферии, возникающее вследствие метонимического переноса, «участок пространства, защищенный чем-либо от солнца» одновременно связано с I и II, однако данное пространственное значение во многом развивается благодаря предметным компонентам, присутствующим в II.

Более сложный характер связи наблюдается при метафорическом переносе, зафиксированном в ассоциациях группы V (тьень -> друг, твой друг). Связь между данным значением и основными «ядерными» значениями возможна только посредством предметного компонента в II (человек, тень от человека). По всей видимости, реакция человек, встречающаяся в АП многих стимулов (как показано ранее в примере АП стимула «вид»), указывает на антропоцентризм, определяющий не

только стратегию ассоциирования, но и основание для метафорического переноса.

Принципиально иной тип многозначности представляет слово-стимул *сеть* (табл. 4).

Здесь в качестве первичного выступает не абстрактное, а предметное значение, которое располагает большим потенциалом для метафорического переноса. Тем не менее, при обращении к пласту актуальных производных значений слова «сеть» в сознании носителей языка, в первую очередь, обнаруживаются другие процессы расширения значения, тогда как нахождение мотивирующей основы для метафорического переноса в АП слова-стимула затруднено.

Первичное значение «рыболовная сеть», выявляемое в ядре АП, обнаруживает отношение метафорического переноса в группе реакций IV

Таблица 3

Ядро и ближняя периферия ассоциативного поля стимула «тьень»

Значение						
I	II	III	IV	V	VI	VII
Ядро						
солнце 26 свет 24 тьень 10	человека 14	-	-	-	-	-
Ближняя периферия						
ночь 7 темный/ темная 3 темнота 3 полдень/ в полдень 2 падает/ падать 2	человек 7 от дерева 6 моя 3 темный/ темная 3 черный 2 дерева 2 стена 2 падает/ падать 2	от дерева 6 прохлада 5 темнота темная/ темная часть 4 холод/ холодок/ холодно 3 стена 2	черный/ черный цвет 3 темная/ темная часть 3	человек 7 друг/ твой друг 2	сомнения 4	бой/ бой с тенью 2

Таблица 4

Ядро и ближняя периферия ассоциативного поля стимула «сеть»

I	II	III	IV	V
Значения				
Ядро				
интернет 72	магазинов 10	рыболовная/ рыболовная сеть 10	-	-
Ближняя периферия				
паутина 8 всемирная 4 глобальная 5 связь/связи 4 компьютер 6 вконтакте 2 социальная 5 информационная 2 мобильный/ мобильная 2 компьютеров/ компьютеры/ компьютерная 3	компьютеров/ компьютеры/ компьютерная 3 телефонная/ телефонов 2 мобильный/ мобильная 2 провод/провода 2 связь/связи/ связей 5 нейро/ нейронная 2	рыбалка 3 ловушка 2 рыбачья 2	паутина 8 паук 5 ловушка 2	связь/связи 4 информационная 2 ловушка 2 социальная 5



(сеть → паутина, паук), данная метафора также лежит в основе ассоциирования в группе I (сеть → интернет, паутина, всемирная и т. п.). В то же время распределение реакций по группам в АП показывает, что связанность значений слова «сеть» обусловлена, в первую очередь, функциональным переносом, а не образным уподоблением. Например, основанием для сближения III (рыболовная сеть) и IV (паутина) может быть их общая функция (ловушка). Также в АП выделяется особая группа реакций V «совокупность связей и отношений, служащих какой-либо цели». Данное абстрактное значение «функции» сети представляет своего рода зону перехода между первичным предметным III и производными значениями II («совокупность каких-либо объектов, выполняющих одну и ту же функцию») и I («то, что позволяет пользователям компьютеров/мобильных телефонов обмениваться информацией»). Так, на основе распределения реакций в АП удастся восстановить картину производства абстрактного значения из первичного предметного и последующего его расширения до того значения, которое является наиболее актуальным для носителя языка на сегодняшний день (сеть Интернет).

Строение ассоциативного поля многозначного стимула наглядно показывает, что практика записи в толковом словаре значений, приобретаемых словом в результате метафорического переноса, не обусловлена только специфичным корпусом изучаемых лексикографами текстов (в частности текстов художественной литературы), что метафорические значения слова действительно являются частью внутреннего лексикона, хотя сам механизм метафорического переноса практически не поддается наблюдению при обращении к языковому сознанию. Если группировка частотных и неединичных реакций в АП позволяет представить основания для метонимического переноса, переноса по функции, расширения или сужения значения в структуре многозначного слова, то представление процесса метафорического переноса, по всей видимости, требует обращения к более глубокому пласту языкового сознания – единичным реакциям испытуемых ассоциативного эксперимента.

В данной статье мы обращались к «ядру» и «ближней периферии» ассоциативного поля в поисках оснований для построения такого конструктора, как семантическая структура многозначного слова. По нашему предположению, ассоциативное поле многозначного слова отличается от АП слов-омонимов тем, что в нем выделяются не только

устойчивые зоны реакций, соответствующие определенным словарным значениям, но и зоны перехода, которые проявляются в неоднозначно интерпретируемых реакциях. Если в одних случаях мы наблюдали относительно устойчивые и непересекающиеся группировки реакций, которые позволяли уверенно говорить об омонимии в языковом сознании (например, ссылка 1 и ссылка 2), то в других было сложнее произвести подобное разграничение в ассоциативном поле, одной группировки реакций оказалось явно недостаточно, чтобы признать связанность значений (например, вид I как «внешний облик» и вид IV как «совокупность особенностей»), потребовалось также учитывать статус каждого выделенного в АП значения. На примере АП слов-стимулов, многозначность которых основана на метафорическом и/или метонимическом переносе, мы попытались рассмотреть выделенные группировки реакций с точки зрения отношений производности в семантической структуре слова. Результаты данного анализа позволили сделать вывод, что семантическая структура многозначности слова-стимула (по сравнению со словом-омонимом) характеризуется более последовательной связью разных участков ассоциативного поля.

Примечания

- 1 Шерба Л. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 291
- 2 Виноградов В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 289.
- 3 См.: Рогожникова Т. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2000. С. 11.
- 4 См.: Стернин И., Рудакова А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. Saarbrücken, 2011.
- 5 См.: Виноградова О. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.
- 6 Ерофеева Е. Структура словарной статьи и структура значений многозначного слова в ментальном лексиконе (на примере слова форма) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2013. № 1. С. 19.
- 7 Залевская А. Слово в лексиконе человека : Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. С. 174.
- 8 См.: Klepousniotou E. Not all ambiguous words are created equal : An EEG investigation of homonymy and polysemy // Brain and language. 2012. № 1. P. 11–21.

Образец для цитирования:

Кожара О. В. Многозначность vs омонимия: строение ассоциативного поля и структура многозначности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–419. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-414-419>

Cite this article as:

Kozhara O. V. Polysemy vs. Homonymy: Associative Field Structure and Polysemy Structure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–419 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-414-419>